

АННА РУБЕР

ПОВЕСТИ И РОМАНЫ

КАТР ВЕН TREIZE

18+

Анна Рубер

Катр вен трэз

<https://litres.ru/74689548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1975 год. Французская спецшкола 93 для детей дипломатов и столичной элиты живёт по своим негласным законам: здесь жёсткая дисциплина, своя иерархия и чужие тайны за закрытыми дверями. Шестнадцатилетняя Аня привыкла держаться особняком, пока за её парту в наказание не сажают новичка Андрея Мотина.

Вместо свидания в кино он зовёт её в библиотеку, где старинный фолиант открывает им переход во Францию XVII века. Там, за стенами сурового аббатства Клерво, он — благородный шевалье де Монтиньяк, а она — наследница опального рода, вынужденная скрываться под личиной его оруженосца. Любое прикосновение грозит разоблачением и трибуналом, но самая страшная опасность ждёт тогда, когда яды, ревность и интриги прошлого прорываются в их настоящее.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Серебряный олень	6
Штрафники на первой парте	6
Четыре раза по двадцать и ещё тринадцать	10
Шевалье де Монтиньяк и его оруженосец	13
Устав, писанный для девиц	15
Засада в Броселианде	17
Шашечки или ехать	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Рубер

Катр вен трэз

Пролог

Фотография выцвела по краям. Бумага старая, «Унибром». Девятый «А», новогодний вечер семьдесят пятого года. Коричневые платья с накрахмаленными воротничками, синие мальчишеские пиджаки с гербом на пуговицах.

А что там на заднем плане? Скользнёшь взглядом — ничего не заметишь: блик на пыльном стекле. Но если присмотреться, в глубине снимка не школьный коридор. Там неф из замшелого туфа, свинцовый переплёт узкого окна. Будто кто-то совместил в одном снимке две эпохи.

Я провожу пальцем по стеклу, и в памяти встают картины прошлого: конские гривы, копоть факелов, звон ружейного железа.

Его шаги. Он подошёл. Тяжело опустился на колени рядом со мной. Я совсем обессилела. Обхватила его голову руками и положила себе на колени. На мне была грубая мужская одежда оруженосца. Он — знатный шевалье де Монтиньяк. Мы рисковали дважды: меня могли отдать под суд за мужское платье, его — за содомскую связь с оруженосцем, который был выше его на голову и шире в плечах.

Цена одного поцелуя могла оказаться высокой. Строгие правила аббатства Клерво. Опекунство выжившей из ума герцогини Клэр. Зелья придворного алхимика Лефевра. Сколько испытаний и запретов выдержали наши чувства, сколько лабиринтов нам пришлось пройти.

«Милль сэт сан катр-вен-трез». Тысяча семьсот, четырежды двадцать и тринадцать. Наш пароль. Ну и язык у этих французов. Как они там в школе арифметику учат? Голову сломать можно.

Глава 1. Серебряный олень

Штрафники на первой парте

День в нашей девяносто третьей спецшколе начался как обычно. Первые сдвоенные уроки — конечно, французский. Встали. Поздоровались. Сели.

В класс вошла Марьяна — наш цербер. Младший лейтенант запаса, у старших классов она вела «военный перевод». Класс был огромный: после восьмого неуспевающих сплывали в обычные районные школы, а наши «А» и «Б» слили в один улей. Но занятия по языку шли не всем скопом, а по группам. В каждой свой «консультант». Такой эксперимент ставило над нами тогда министерство просвещения.

Я сидела одна за первой партой — прямо напротив доски. Лобное место для проклятых. Туда сажали только штрафников, и меня к ним причислили. Я лупила мальчишек учебниками не глядя. Потому что эти придурки вечно норовили сунуть руки под парту, коснуться коленки, лезли куда не надо.

В школу я пошла на год позже. Родилась в конце ноября, а в сентябре, когда ровесников зачисляли в первый класс, мне ещё не исполнилось семи. Через год стукнуло почти восемь. В подростковом возрасте лишний год — пропасть. И я себя стеснялась. Мало того что вымахала выше всех на голову,

так ещё и фигурой природа не обидела — лифчики на физкультуру я надевала аж с шестого класса. Вот мальчишки ко мне и клеились.

Мой рост, телосложение и стойкая нелюбовь к физкультуре привели меня в школьную команду по гандболу — ручному мячу, как его тогда называли. Как можно ненавидеть физику и при этом играть в команде? Проще простого: кто выступает за школу, тот освобождён от обычных уроков, только тренировки. Это и веселее, и верная пятёрка в четверти. Я стала центральной — виной тому рост и длинные руки.

На перемене пронёсся слух — у нас новенький, Андрей Мотин. Где?

Он опоздал. По правилам школы на уроке языка полагалось говорить только по-французски. Оправдывайся как хочешь: застрявший троллейбус, забытые ключи, потоп — неси любую чушь, но строго «ан франсэ».

А он начал по-русски. Мгновенно схлопотал выговор от Марьяны и в наказание был посажен ко мне. За первую парту.

— «Эн, дё, трау, сан брюи асьед-туа... Анфан, сиянс, ля лёсон де франсэ команс!»

Эту разминку — стишки, заученные ещё в младших классах, — мы бубнили хором. Следом шла обязательная пятиминутка «бавардаж»: болтовня ни о чём, но по-французски.

А самое страшное — политинформация. Попробуй перекажи передовицу из «Известий» или «Юманите» по-фран-

цузски. И это только первый час.

В семье французский знала только мама. После войны она окончила чудом уцелевшую женскую гимназию, где кроме французского преподавали еще и классическую латынь. От мамы мне достался странный багаж: избыток сведений по старой грамматике и полный провал в живой разговорной речи.

В классе учились в основном дети дипломатов и торгпредов. Два языка в семье для них считались нормой. А я едва тянула один.

— Ручка есть? — шепнул он, — Свою дома забыл.

— А голову ты дома не забыл? — огрызнулась я, не глядя на него.

Запасной ручки в пенале, как назло, не нашлось. Я молча сунула ему простой карандаш. Наши пальцы соприкоснулись, и я поспешно отдернула руку.

— Мне ехать далеко, из Новых Черёмушек, — тихо пояснил он, — Время не рассчитал.

— «Ан франсэ, силь ву пле!» — цыкнула на нас Марьяна.

Каким-то чудом я отсиделась оба часа, и к доске меня так и не вызвали — ни читать вирши Верлена «пар кёр», ни спрягать глаголы в «сюбжонктифе».

На большой перемене те, кто не остался травиться дымом в школьном сортире, вывалили во двор — на свежий сентябрьский воздух.

— Ты нашего оленя видел?

По его глазам я поняла: он не представляет, о чём речь.
— Пойдём, заценишь статую.

На клумбе в центре двора стоял сиротливый осколок прежней роскоши — гипсовый олень, выкрашенный для сохранности масляной серебрянкой.

Его реакция меня ошеломила.

Он замер, засунув руки в узкие карманы брюк, и долго смотрел на оленью морду.

— Карл Шестой, — негромко произнёс он, словно самому себе.

— Что? — переспросила я, жуя булочку из школьного буфета.

— Крылатый олень Карла Безумного, — он обернулся, и в глазах блеснула страсть исследователя. — Четырнадцатый век. Орден Бегущего Оленя. Только крылья ему стесали под корень. Видишь полосы у лопаток?

Я подошла вплотную. Под бугристым слоем серебрянки и правда проступали два широких нароста. Восемь лет я бегала мимо и ни разу не видела ничего, кроме облезлого гипса.

— Откуда ты всё это берёшь? — тихо спросила я, чувствуя, как внутри нарастает любопытство.

— Книжки читаю, — просто ответил он.

Четыре раза по двадцать и ещё тринадцать

В тот вечер он покори́л меня тем, что позвал не в кино на последний ряд и не на танцы в ДК — я бы только посмеялась и не пошла. Он позвал в библиотеку! Ради прикола я согласилась. Старая районная библиотека на Беговой, сто раз мимо ходила.

По чужому абонементу Андрей заказал книгу. Тогда я не обратила внимания на обложку, но теперь догадываюсь, что перед нами лежал дореволюционный перевод Эрнеста Лависса — многотомная «История Франции», с ятями, в коленкоровом переплёте. Откуда эта книга там взялась? Выносить такой фолиант из читального зала запрещалось, и мы остались до самого закрытия.

Вот тогда всё и началось.

Андрюша отыскал старинную гравюру и начал нести мне какую-то ересь:

— Понимаешь, одна знатная дама вынуждена скрываться под чужой личиной в старом аббатстве. С ней едет преданный друг, но в целях конспирации всё разыграно иначе: будто главный — её слуга, а она — всего лишь оруженосец. Очень интересная история. Надо проникнуть туда и всё увидеть самим.

— Как проникнуть? Куда?

— Надо встать у «Бегущего оленя», — зашептал он, наклоняясь ко мне. — Встать, взяться за руки и произнести, чтобы замкнуть кольцо времени: «миль сэт-сан катр-вен-трез».

— Чего? — переспросила я. — «Катр-вен-трез» — это же хвост номера нашей школы. У французов даже счёт с вывихом. Как у них дети считать учатся? Надо же додуматься: «четыре раза по двадцать и ещё тринадцать». Как нормальный человек догадается, что речь про девяносто три?

— Да номер школы — это тайный знак! Понимаешь? А всё вместе — тысяча семьсот девяносто третий год. Страшный год для Франции. Год якобинского террора и Вандейского восстания — у Гюго в романе всё описано. Этот год разделил историю Франции на «до» и «после». Интересно, в какой год мы попадём? Быстро возвращаемся во двор. Надо проверить.

— Ты спятил! Ночь на дворе.

— Я не смогу один, — он шагнул ближе и посмотрел на меня в упор. — Надо кольцо времени замкнуть. Руками. Вдвоём.

Я подозревала, что он слегка не в себе. И тогда решила в этом убедиться. Жалко парня бросать. Ему ещё трястись на метро в Новые Черёмушки, а я до Беговой и ночью добегу. Уже в полной темноте мы вернулись на школьный двор и в точности выполнили обряд, описанный в старинной книге.

В Новые Черёмушки в тот вечер ехать пришлось не на

метро...

Шевалье де Монтиньяк и его оруженосец

Переход в другое время. Бросок — и тяжесть чужого мира рухнула на плечи. Под ладонями ледяной скользкий туф. В лицо ударили запахи незнакомой жизни: сальные свечи, конский пот, сырость каменных казематов.

Я не узнавала себя в новом облачении. Ноги отяжелели в сапогах из грубой яловой кожи. Грудь, которой я так стыдилась в школе, была стянута полотняным бандажом. На плечах суконный колет, у левого бедра оттягивал пояс короткий меч. Я казалась окружающим долговязым подростком. Верным слугой своего господина.

— Антуан, подбери плащ, — раздался властный голос.

Я обернулась. У кованых ворот стоял Андрей. Но не тот робкий мальчишка из девятого класса. На нём был тёмно-синий шёлковый дублет с серебряным шитьём, кружевная фреза и шляпа с пером, — шевалье Андре де Монтиньяк.

Вокруг толпились монахи и стража. Они переговаривались на гортанной смеси нормандского наречия и латыни, и я понимала каждое слово. Может, это мамины уроки пошли на пользу, а может, само время вносит поправки.

— Что с нами?.. — спросила я одними глазами, чувствуя, как от волнения подкашиваются колени.

— Молчи, — одними губами приказал Андре. Он прятал

панику под маской холодного высокомерия.

Оглядев Андре, настоятель сухо наклонил голову: весть о прибытии отпрыска древнего дома Монтиньяков сюда уже дошла. Опекуны позаботились о вкладе в обитель, так что шевалье приняли с должным, хоть и сдержанным почтением. Скользнув взглядом по моим нескладным плечам, настоятель поморщился: слуга выглядел слишком рослым и неотёсанным для пажа знатного господина.

На самом деле всё было сложнее. Теперь до меня стал доходить смысл старого фолианта. Именно меня, наследницу древнего опального рода, надлежало укрыть в аббатстве под видом юноши — оруженосца шевалье де Монтиньяка. Но об этой тайне не знал даже отец-настоятель.

После короткого приветствия настоятель объявил, что час вечерней молитвы давно миновал и правила непреложны для всех: нам надлежало немедленно пройти в общий спальный зал — «дортуар».

Устав, писанный для девиц

Мы угодили в аббатство Клерво, цитадель цистерцианцев. Обет молчания, строгий пост и тяжёлый труд — вот и все привилегии здешних обитателей. Удружил Андрияша: выбрал времечко и место. Впрочем, судя по лицу, сам он был доволен результатом своего эксперимента.

Дежурный монах поднял фонарь, указывая дорогу.

Отдельных келий здесь не существовало: уединение устав почитал за дьявольский соблазн. Нас привели на второй этаж. Перед нами распахнулся огромный гулкий зал со стрельчатыми сводами, тонущими во тьме. Холод, стоял как в склепе. Вдоль каменных стен бесконечными рядами тянулись топчаны с тощими соломенными тюфяками и шерстяными попонами. Кровати разделяли низкие перегородки — не выше плеча сидящего. С помоста у входа дежурный монах видел зал от края до края.

Взгляни я на это сейчас, непременно узнала бы привычный «опенспейс» — вот к каким векам, оказывается, восходят европейские традиции офисного уклада. Но тогда, школьницей, я думала о другом.

Меня сковал страх разоблачения. Женщине носить мужское платье запрещалось — за это костёр. Проникнуть девице в мужской монастырь — костёр вдвойне.

Спасало главное правило: спать полагалось одетыми и

подпоясанными, дабы пресечь греховные помыслы. Так что раздеваться посреди мужской казармы мне не грозило — одной бедой меньше. Но тут же встала вторая, приземлённая: а как справлять нужду?

— Я читал... У них тут есть, — еле слышно шепнул Андрей, — ретирада. Монастырский «нужный дом». — Он кивнул на глухую дубовую дверь в торце зала.

Стараясь не скрипеть половицами и не попадаться на глаза дежурному, я выскользнула в галерею. Ретираду возвели прямо над искусственным рукавом реки Об, снизу доносился шум несущейся воды. Вдоль стены тянулся ряд деревянных сидений с круглыми отверстиями.

Здесь тоже правил свой закон скромности: устав велел сидеть, натянув капюшон до бровей и опустив руки на колени, чтобы сукно закрывало ноги. Казалось, устав писали с одной целью — скрывать в аббатстве девиц. Я присела, запахла полы и спрятала лицо в тень капюшона. В полутьме никто не узнал бы во мне девушку.

Вместо бумаги на деревянной полке лежали лоскуты старой ветоши и пучки сухого мха. «В следующий раз, — подумала я и сама испугалась мысли, что этот следующий раз непременно будет, — надо сунуть в карман рулон из школьного сортира. Или хоть промокашек из тетрадок надергать». Прокладок и прочих излишеств женской гигиены в пору моей юности не водилось. Так что от эпохи цистерцианцев советский быт ушёл не так уж далеко.

Засада в Броселианде

Дежурный монах разбудил нас задолго до рассвета — послушники ещё спали. Отец-префект, не глядя на меня, вручил Андре пакет, запечатанный чёрным сургучом. Что в нём было, знала только я: «летр де ноблес», дворянские грамоты — доказательство древности моего рода и права на землю. Пока их следовало держать в тайне. Шевалье де Монтиньяк должен был доставить бумаги в замок «Рош-сюр-Об». На время поездки он убрал их в кожаную сумку на наплечном ремне, «бесас», которая всегда была при нём. Я же, под видом оруженосца, следила, чем кончится это рискованное путешествие.

Нас ждала колымага: дубовый кузов на скрипучих рессорах, пара вороных, угрюмый возница в войлочном капюшоне и двое конных стражников с мушкетами.

Дорога вилась через Броселиандский лес.

Кряжистые деревья сплетали ветви в стену. Мокрые сушня скребли по крыше, под колёсами чавкала осенняя глина. Внутри царил холод. Мы сидели друг напротив друга. Андрей не снимал руки с эфеса рапиры. Всякий раз, когда повозку трясло на корнях, наши колени сталкивались, и он отдёргивал ногу.

Он сидел спиной к движению, и каждая кочка, встряхивавшая нашу колымагу, была для него неожиданностью. По-

возку сильно качнуло вправо. Я поймала его за плечи — руки центральной школьной команды по гандболу оказались сильными.

— Осторожнее, нас могут увидеть. Не забывай, в каком мы веке и каковы правила аббатства.

— Кругом лес. Возничий на козлах. Арьергард плетётся позади.

Не знаю, кого я больше успокаивала, его или себя. На меня нашло желание то ли защитить его, то ли подбодрить: материнский инстинкт и повадка голодной волчицы разом. Я не устояла и просто чмокнула его в вихры на макушке.

Сухой выстрел разорвал тишину чащи. Пуля ударила в дубовую дверцу, брызнули щепки. Лошади взвились на дыбы. Один из стражников вывалился из седла в дорожную грязь.

— Засада! — заорал возница и юркнул под козлы.

Дверцу распахнули снаружи. В сером проёме возникло лицо наёмника в железном шлеме.

Андре выхватил из ножен рапиру. Но из чащи ударил второй залп. Он покачнулся. На тёмно-синем шёлке левого плеча расплылось алое пятно. Рапира со звоном выпала из пальцев. Андрей осел, зажимая рану. Наёмник спокойно сорвал с его плеча «бесас», перерезал ремень, развернул коня. Через миг его уже не было видно между стволами.

Грамоты похищены. Предатель знал всё заранее, и он в аббатстве. Возвращаться туда нельзя.

В ту секунду страх, девичья неловкость и строгие прави-

ла отступили. Вместе нам нельзя: если попадёмся, накроют обоих, и некому будет позвать на помощь. Надо разделиться.

Я выскочила из колымаги, метнулась к вознице, выволокла его за шиворот и прижала к колесу.

— Слушай внимательно! — я сорвала с пальца перстень-печатку де Люзерн. — Видишь герб? Разворачивай! Гони во весь опор к замку «Аржансон»: покажешь перстень у ворот — пропустят. Но если шевалье по твоей вине истечёт кровью дорогой, твоя голова будет на колу. Понял?

Возница уставился на герб и закивал.

Я бросилась к упряжке.

Моё знакомство с лошадьми сводилось к двум выездам на Центральный ипподром, что стоял напротив дома моего детства на Беговой. После скачек отец подвёл меня к деревянному загону. Я протянула гнедой кобыле у перил недоеденную булку; та фыркнула тёплым паром и слизала угощение шершавым языком. Я испугалась, отдала ей всю добычу и спрятала перепачканную ладонь в карман пальто. Вот и вся моя вольтижировка.

Но сейчас я действовала без запинки: перерубила постромки, освободила левую пристяжную и, как заправский кавалерист, взлетела на неё по-мужски, натянув поводья.

Я заглянула в глубь колымаги. Андре лежал, запрокинув бледное лицо.

— Аня... — прошептал он, но в суматохе никто не слышал моего настоящего имени, слетевшего с губ бредив-

шего шеваляе.

Я вонзила каблуки в бока лошади.

— Пошла!

Куда? Ближайшее укрытие — «Бриен-ле-Шато», два часа верхового пути от аббатства. Мокрые ветки били по щекам. Я неслась сквозь туман Броселианда, а в висках стучала одна мысль: «Только живи. Господи, только выживи, Андрюша...»

Внезапно мир покачнулся и закружился в серой воронке. Лес растаял, гул копыт оборвался — и в уши ворвался шелест автомобильных шин по мокрому асфальту.

Шашечки или ехать

Я стояла у бордюра на мокром асфальте Беговой. На мне снова было коричневое школьное платье. Поясница и ноги гудели так, будто я отмахала полсотни километров на велике.

Рядом, прислонившись спиной к фонарному столбу, стоял ошеломлённый Андрюша. Левая рука висела вдоль туловища, лицо оставалось блее мела, школьный пиджак промок насквозь. Видимой раны не было — кровь и пробитый шёлк остались там, в чужом столетии. Но его изводила фантомная боль в плече.

Уличные часы напротив показывали половину второго ночи. На последнее метро до Новых Черёмушек Андрюша безнадёжно опоздал. Привести его к себе я не решалась: как объяснишь родителям появление в квартире бледного одноклассника посреди ночи? А пешком до Черёмушек и к утру не дойти. Оставалось одно — ловить такси.

Я вышла к кромке асфальта и подняла руку.

Сейчас трудно представить Беговую без сплошного потока машин. Но тогда ночью город вымирал — лишь изредка прошуршит поливалка или прогрехочет одинокий грузовик.

Наконец у тротуара затормозил зелёный «Москвич». Покрутив ручку стеклоподъёмника, водитель опустил стекло. Усатый мужик лет сорока в расстёгнутой куртке смерил меня взглядом — задержавшись на мокрых волосах, липнущих

к щекам.

— Куда, красавица? — прищурился он. — Подвезу.

— А вы точно таксист? — спросила я, заглядывая в пахнущий бензином и табаком салон.

— Тебе шашечки или ехать надо? — хохотнул водитель, довольный дежурной шуткой.

Я вывернула карманы школьного фартука и сгребла мелочь, сэкономленную на завтраках:

— Вот, до Новых Черёмушек. Больше ни копейки.

Мужик оглядел монеты на моей ладони, снова посмотрел на меня и махнул рукой:

— Ладно, садись вперёд. Довезу.

Надо было видеть его лицо. Вместо того чтобы сесть рядом, я распахнула заднюю дверь, подхватила под локоть едва живого Андрея и втолкнула его в салон.

— Это... это что ещё за фокусы?! — опешил водитель, оборачиваясь.

— Ему плохо, нужно срочно домой, — отрезала я, захлопывая дверь. — Адрес скажет сам. Деньги ты уже взял.

«Москвич» тронулся от бордюра и растворился в темноте.

«И смотри у меня, Мотин, — подумала я, оставаясь одна на ночной улице. — Завтра в восемь тридцать первый урок. Только попробуй опоздать к Марьяне».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.